

«Лестница Иакова», *Jericho* «Иерихон», *Bethlehem* «Вифлеем»). Некоторые названия, однако, основаны на метонимии и указывают на церковное владение (*Jerusalem Wood* «Иерусалимский лес»), конфессию общины (*Mount Tabor* «Гора Фавор»), копии Святогробской кувуклии (некоторые названия *Jerusalem* «Иерусалим») и т. д.

А. Е. Аникин
Новосибирск

Из старорусской лексики (*бечатá, бисага, чка*)

Бечатá, бечетá, бичетá ‘самоцветный камень: красный яхонт, лал, рубин либо гранат’ [Даль, 1, 85], **бечетá** ‘драгоценный камень молочно-синеватого цвета’ [СлРЯ, XVIII 1, 20], **бечаты** мн. ‘род рубина’ [СлРЯ XI–XVII, 1, 182–183], **бечеть** ‘драгоценный камень’ XVI–XVII вв., **бечеть** = **бечать** ‘название драгоценного камня’ XVI в. [Срезневский, 1, 85; 3, Дополнения, 14].

Напоминает перс. *bīḡāda* ‘красный янтарь’, ‘гранат’, ‘сорт рубина’, курд. *bīḡāda* ‘полудрагоценный камень’ [Цаболов, 198]. Фонетические различия заставляют думать о посредстве третьего языка (языков) – возможно, тюркского. Но речь явно не идет о чаг. *bāčäk*, кр.-таг. *bičäk* ‘украшение’ [Фасмер, 1, 162].

Бисага ‘покрывало’ пск., 1607 [Феппе, 64], **бисага**, также **бисага** XVII в. [СОЛЯМР XVI–XVII, 1, 162], **бисага** ‘попона под вьюки’, **бизага** (8 *попонь бизагь*), **бисажныи** [СлРЯ XI–XVII, 1, 186], **бисага, бизага** сиб., XVII в. [Панин, 11].

Несмотря на разницу в значении, едва ли отделимо от укр. *běsági*, ст.-укр. **бисага** ‘сума’ XVII в. [ЕСУМ, 1, 176], ст.-блр. **бисага** ‘переметная сума’ XVI в. [ГСБМ, 2, 6] < польск., ср. *biesaga, biesagi*, ст.-польск. *bisagi* мн. ‘переметная сума’ < ср.-лат. *bisaccium*, -а мн. из *bis* ‘дважды’ и *saccus* ‘мешок’ [VWSS, 321–322]. По всей видимости, значение ‘покрывало’ возникло в русском по метонимии из ‘попона (для перекидного вьюка)’, а исход слова переосмыслен по аналогии со словами на -*яга* типа **висяга** ‘цеп, молотило’ [СРНГ, 4, 299]. Колебание типа *с/з* на великорусской почве не редкость.

Сложность состоит в наличии слова **писяга** ‘одеяло на оленьем меху’ в севернорусских говорах [СРНГ, 27, 52], которое было объяснено как производное с суффиксом -*яга* от ненецкой основы *pīs* (= *pī*) ‘покрывало из шкур или сукна для женских нарт’ [Хелимский, 2000, 356–357]. Ранее **бисага** было предложено рассматривать как вариант **писяга** [Аникин, 129], что крайне сомнительно. Или между этими словами связи нет, или **писяга**, напротив, вторично по отношению к **бисага** (< польск.), – и ненецкая этимология неверна. Последняя возможность предпочтительнее, против чего не возражал и Е. А. Хелимский (устное сообщение в ноябре 2007 г.).

Чка. Т. В. Горячева в одной из своих работ обосновала возможность обозначения ‘льдин, льдины’ как ‘плах(и), колод(ы)’ [Горячева, 2007, 37–39]. Эту возможность как будто можно поддержать следующим примером. Судя по данным

Картотеки СРНГ, в русских говорах (преимущественно по течению Волги) весьма широко известно или было известно слово *чка* 'плавающая льдина' симб., ярсл., сарат., низовья р. Урал., *чки* 'ледяные поля' астрах. Поскольку те же данные содержат *чка* 'доска' (в курских говорах), естественно считать, что речь идет о диалектном преобразовании того же типа, что др.-рус. *чка* 'доска' = рус. *доска́* < праслав. **dъska* [Фасмер, 1, 532; 4, 303]. Учитывая анлаутное ч-, а не ц-, допустимо предполагать развитие *чка* < **дъшкá*, где *-ш-* как в укр. *дóшка*, блр. *дóшка*, но ударение как в рус. *доска́*.

Предложенные соображения содержатся также в книге: А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 2. С. 230; Вып. 3 (рукопись).

Горячева Т. В. Восточнославянские этимологии (рус. *бим*; блр. *галялёць*; рус. *закрунный*; блр. *вогяры*; праслав. **хута*/**хуть*; рус. *поси́титься*) // Этимология. 2003–2005. М., 2007.

Хелимский Е. А. Компаративистика, уралистика. Лекции и статьи. М., 2000.

Fenne – Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov 1607. Ed. L. L. Hammerich and R. Jakobson. Copenhagen, 1970. Т. 2.

Н. П. Антропов
Минск (Белоруссия)

Этнолингвистические аллюзии белорусского этимологического словаря

Во введении к «Этымалагічнаму слоўніку беларускай мовы» [ЭСБМ, 1, 3–16] тогдашний редактор словаря В. В. Мартынов в качестве обязательных задач будущего издания определил следующие: отражение 1) словообразовательных и семантических архаизмов, 2) инноваций, в том числе территориально ограниченных, 3) заимствованной лексики, 4) экспрессивной лексики, оригинальной и заимствованной, 5) всех доступных данных о географической стратификации лексики. Безусловно, эти задачи (в общем, и естественные, и обычные для этимологической практики), прежде всего относящиеся к семантическим архаизмам, только подразумевают (и только в порядке общей алфавитной очереди) исследовательский интерес к культурной семантике той части тезауруса, в которую входит лексика традиционной духовной культуры. Между тем, как показывают соответствующие работы по крайней мере последнего десятилетия, без учета «культурного контекста» определение этимологического решения – особенно в части его полноты – может в ряде случаев оказаться затруднительным.

В связи с этим небезынтересной представляется словарная этимологическая судьба белорусских названий радуги, исключительно насыщенных в традиционной культуре мифологическим (мифопоэтическим) содержанием. Полный их реестр вкпе с картографической проекцией большей части наименований был опубликован задолго до начала работы над ЭСБМ [ДАБМ; карта № 312: Назвы вясёлкі].